

Принцесса Аладана

Рин Теру

Рин Теру

Принцесса Аладана

«Автор»

2026

Теру Р.

Принцесса Аладана / Р. Теру — «Автор», 2026

Что может быть страшнее, чем выйти замуж за нелюбимого? Пожалуй, только брак с принцем страны, которая вас презирает. Принцесса Иона вынуждена вступить в брак, чтобы заключить перемирие между двумя империями.

Но столица встречает её косыми взглядами, холодом будущего супруга и множеством запретов. Её свобода становится разменной монетой в чужой игре. Однако Иона не намерена с этим так просто смириться. Но чем глубже она погружается в чужие тайны, тем сильнее запутывается в собственных чувствах. Между ледяным супругом, за маской которого скрывается нечто большее, чем безразличие, и заносчивым слугой, чьи истинные чувства прячутся за строгими правилами, Иона рискует потерять себя. Ей предстоит распутывать заговоры, сделать невыносимый выбор и, возможно, обрести любовь. Вопрос лишь в том, какой ценой?

© Теру Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Рин Теру

Принцесса Аладана

Глава 1

Стук колёс крытой повозки не прекращался ни на минуту. Мы ехали в центре, занимая почётное место, пока позади нас громыхали обозы, доверху набитые сундуками с приданым.

Прошло двенадцать дней с момента, как мы покинули стены Аладана и я уже успела привыкнуть к монотонному стуку колёс, который давно перестала замечать. Я была до того измучена, что готова была упасть прямо на землю, лишь бы наконец почувствовать долгожданное облегчение.

Помимо затёкших конечностей, неудобства доставляла и конструкция на голове. Пыльно-лиловый шёлк, расшитый золотыми нитями, оставлял для глаз лишь узкую щель. Плотная ткань, перехваченная золотыми обручами, спадала каскадом, отдалённо напоминая волосы. Другой её конец огибал плечи и шею, струясь ниже бёдер. Само платье того же цвета доходило до самых ступней, а рукава, плотно облекая предплечья, от локтей расходились свободной тканью.

Но физическая усталость казалась ничтожной по сравнению с тем, что творилось у меня внутри. Всю дорогу в груди разрастался ком тревоги, сжимая лёгкие. Пальцы мелко подрагивали, и я с силой стискивала их в кулаки, чтобы унять дрожь. С каждым часом дышать становилось всё тяжелее, а плотная ткань на лице будто душила меня.

Закрыв глаза, я откинулась на мягкую спинку сиденья и попыталась успокоиться. Медленно вдыхая, на выдохе я старалась вытолкнуть из груди давящую тяжесть.

— Ваше Высочество?

От неожиданности я вздрогнула, и тетрадь, всё это время лежавшая у меня на коленях, соскользнула на пол. Я совершенно забыла о её существовании, как и о том, что я здесь не одна.

Вазир...

Этот неказистый с виду мужчина был моей опорой с малых лет. Ему чуть за пятьдесят, невысокий, плотный, с усами и вечными мешками под глазами. На его голове виднелись проплешины, которые он то и дело раздраженно приглаживал рукой. Сейчас он сидел рядом с моей матерью, что увлечённо вышивала, не обращая ни на кого внимания.

— Да? — выдохнула я сипло, с трудом сглотнув, пытаясь смочить пересохшее горло.

— Вам незачем тревожиться, — мягко ответил он. — Я всегда буду где-то рядом, Ваше Высочество.

— Это меня и беспокоит, — сорвалось с губ прежде, чем я успела подумать.

— Иона! — мама оторвалась от вышивки и одарила меня ледяным взглядом. — Мы это уже обсуждали. Слушайся Вазира, и чтобы без глупостей.

Я невольно скривилась — к счастью, под тканью этого никто не заметил.

— Хорошо.

Матушка, удовлетворенная ответом, вновь вернулась к шитью, тихо добавив:

— Постарайся не привлекать к себе внимания до свадьбы.

— Боюсь, даже не желая, я получу его сполна, — буркнула я, глядя в окно.

Пейзаж медленно плыл за окном. Бескрайние поля шафрана простирались до самого горизонта. Люди, согнувшись в три погибели, срывали каждый распутившийся цветок и складывали в большие плетёные корзины. Несмотря на палящее солнце, работники даже не думали

останавливаться. Лишь некоторые из них на мгновение выпрямлялись, чтобы проводить наш караван долгим, усталым взглядом.

— Уже прочитали? — спросил Вазир, заметив тетрадь, что вновь покоилась у меня на коленях. — Понравилась?

Я подпёрла щёку рукой и протянула её раскрытыми страницами вперёд.

— Было бы так, сумей я разобрать хоть слово, — ответила я, опуская тетрадь обратно. — И как ты вообще смог дослужиться до счетовода с таким корявым почерком?

Вазир, ничуть не обидевшись, лишь сдержанно рассмеялся, снова проведя рукой по лысеющей голове.

— Видимо, по той причине, что в писари не годился, Ваше Высочество, — ответил он, забавно дёрнув усами.

Фыркнув, я улыбнулась одними глазами. Вазир был настоящим гением счёта, но в письме талант ему не улыбнулся, что даже он сам порой не мог разобрать написанное. Зато, отойдя от дел и примкнув к придворным слугам, он неожиданно открыл в себе талант к рисованию.

Кончиками пальцев я провела по цветному рисунку на странице, где море уходило за горизонт к солнцу. Волны были выписаны с такой живостью, что, казалось, вот-вот оживут.

Неужели я так никогда и не увижу его?

Сердце сжалось от тоски при одной лишь этой мысли. В Аладане море было скрыто за горным хребтом, и добраться до него из-за скал не представлялось возможным. Я знала о нём лишь по рассказам Вазира и зарисовкам, и мечта увидеть его теплится во мне до сих пор.

Погрузившись в свои мысли, я не сразу заметила, как мы въехали в город. Первое, что я ощутила, — запах. Резкий, густой аромат дыма, глины и тысяч немытых тел, смешанных в единый смрад.

На окраинах теснились убогие лачуги с плоскими крышами. Их стены, обмазанные рыжей глиной, местами потрескались и осыпались, а под навесами из выцветшей ткани люди прятались от палящего солнца. Дети в рваной одежде бежали за повозкой, но стража отгоняла их, не подпуская близко.

Ближе к центру убогие лачуги уступали место жилищам с внутренними дворами и узорчатыми оконными проемами, а вдоль улиц тянулись арочные коридоры, где в тени прятались от зноя местные жители.

Мы наконец достигли сердца города — знаменитого столичного рынка. Это место напоминало бесконечный лабиринт, где над головой колыхались пёстрые ковры, свисавшие с балконов и крыш. Переплетаясь, они создавали атмосферу праздника, заслоняя солнце и превращая улицу в огромный шатёр из тканей всех возможных цветов и узоров.

Торговцы наперебой выкрикивали названия товаров, стараясь перекрыть друг друга. Воздух был пропитан пьянящим ароматом свежей выпечки, пряных специй и сладких экзотических фруктов. Из-за большого скопления людей мы вынуждены были замедлиться, и прохождение то и дело норовили заглянуть в наше окно.

— Возьмите, красавица! — у окна возник юноша в тюрбане, протягивая шаль. На его загорелом лице сияла добрая улыбка. — У семьи Джатшэ самые лучшие ткани, госпожа!

Я удивленно протянула руку, чтобы взять кусок ткани, но стражники уже оттащили парня от повозки.

— Ваше Высочество, — голос Вазира прозвучал строже, чем прежде. — Мы подъезжаем к центральным воротам. Прошу вас, будьте внимательнее.

Я удручённо выдохнула, печально глядя вслед юноше.

Мы подъехали к высоким стенам внешнего двора, где у большой центральной арки уже образовался затор. Люди, размахивая доверенными бумагами, возмущённо требовали пропустить их без очереди, но стража была непреклонна и тщательно досматривала каждого въезжающего.

Когда один из стражников приблизился к нашей повозке, Вазир протянул ему в окно свиток с гербом Аладана. Пока он изучал документ, остальные стражники тщательно досматривали обозы, заглядывали под повозки.

— Всем отойти! Освободить проезд!

Стража тут же засуетилась, расчищая путь для нашего каравана. Повозка качнулась и снова покатилась вперёд.

За стеной взору предстала истинная роскошь. По обе стороны широкой песчаной дороги, во внешнем дворе, селилась знать, а между их владениями ютились гостиницы с прославленными трактирами. Сады внутри особняков утопали в зелени и цветах, а среди них сверкали пруды, создавая прохладу в этот знойный день.

Наш караван подъезжал к площади, откуда виднелся обширный сад, а в центре его возвышался самый знаменитый храм на всем континенте. Он возвышался над землей в несколько ярусов, увенчанный множеством шпилей, уходящих к солнцу. Каждый из них украшала каменная резьба. Арки, колонны и карнизы покрывало огромное количество сложного орнамента. Этот храм не уступал ни одному императорскому дворцу и был воплощением человеческого терпения.

Дверца распахнулась, и Вазир вышел первым, тотчас протягивая нам руку, помогая спуститься.

На площади начала собираться толпа. Люди с любопытством разглядывали нас, переговариваясь вполголоса. Я почувствовала на себе десятки взглядов, и от этого становилось не по себе.

Но вскоре моё внимание привлёк стражник, который быстрым шагом направился к нам. Он остановился перед матерью и, низко поклонившись, почтительно произнёс:

— Ваше Императорское Величество, госпожа Мариэль, вас уже ожидают у храма. О вещах принцессы можете не беспокоиться, я лично прослежу, чтобы их доставили в поместье в полной сохранности.

Мать поправила рукава трёхцветного палантина и, вздохнув, бросила через плечо:

— Вазир, отправляйся со стражей в поместье и проследи, чтобы они ничего не потеряли по пути.

Я заметила, как перекосило лицо стражника. Его челюсти сжались так, что проступили жилы.

— Слушаюсь, госпожа, — ответил Вазир, склонив голову в коротком поклоне.

Громыкнули колёса повозок, и караван с вещами свернул с центральной дороги и двинулся дальше.

Наш дальнейший путь пролегал вдоль сада, где ветвистые деревья переплетались с пальмами и кустами, усыпанными гроздьями цветов. Вокруг разливались пруды, гладкая поверхность которых была усеяна кувшинками, чьи крупные бутоны качались на воде, привлекая бабочек и стрекоз.

Но от созерцания сада меня отвлекло прикосновение маминой руки. Она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой. Её лицо, в отличие от моего, оставалось открытым, а волосы вихрями спадали с одного плеча. Она протянула руки и поправила украшения на моей голове.

— Я задержусь ещё на неделю, но потом мне нужно будет возвращаться. Постарайся не попадать в неприятности в моё отсутствие, хорошо?

Голос её звучал так спокойно и непринуждённо, что у меня внутри всё сжалось от тоски. Я перехватила её руку и крепко сжала в своей ладони. Я была не готова к тому, что нам придётся расстаться так скоро.

У входа, в широком проёме, нас ожидало несколько человек. В центре, сразу привлекая внимание, стояла взрослая женщина, чей взгляд заставлял съёжиться. Её седые волосы были

уложены в сложную причёску, а одежда была сплошь покрыта вышивкой из самоцветов. В этой женщине я без труда узнала императрицу Сулу — мать правящего императора.

Рядом с ней, чуть позади, стоял старик с глубокими морщинами и почти лысой головой. На нём была длинная темно-изумрудная накидка с синими рукавами, искусно расшитая мерцающими нитями, создававшими у подола подобие перьев.

Сула перевела на нас холодный, изучающий взгляд и, не дожидаясь, пока мы подойдём ближе, произнесла:

— Добро пожаловать в Карин. Будьте на моей земле как дома, — в её голосе слышалась неприкрытая насмешка.

— Премного благодарна... Ваше Величество, — мать, не сводя с неё глаз, натянуто улыбнулась.

Теперь Сула смотрела на меня на меня.

— Рада нашей встрече, принцесса Иона, — произнесла она нарочито мягко. — Хочу представить вам главного жреца храма, господина Нанэ.

Она указала на старика, и тот почтительно склонил голову.

— Он проведёт обряд, который соединит вас узами с моим сыном. Это обязательная часть нашей свадебной традиции, — и, уже обращаясь к жрецу, добавила: — Давайте начинать. Думаю, Винзес уже утомился ожиданием.

Услышав это имя, я невольно напряглась.

Винзес — так звали младшего брата императора, моего будущего мужа, о котором я практически ничего не знала, и это было неудивительно.

Обычно имена наследников звучат наравне с именем самого императора. Они занимают высокое положение в совете, командуют армией или становятся общественными деятелями. Но принц выбивался из этой устоявшейся закономерности. Он ничем не интересовался, избегал общества, и это порождало множество слухов о его скверном характере.

И, признаться, я не горела желанием узнавать, правдивы ли они. Но, увы, моего мнения никто не спрашивал.

— Прошу, следуйте за мной, — произнёс Нанэ, прежде чем развернуться и шагнуть в тёмный проём храма.

Матушка хотела последовать за мной, но один из стражников преградил ей путь. Она осталась стоять у входа, и я видела, как напряглось её лицо. Мне оставалось только идти вперёд; порог переступили лишь мы с Нанэ.

Храм внутри оказался лабиринтом из залов с арками и множества проёмов. От пола до потолка всё было выложено мозаикой с причудливыми узорами, от которых рябило в глазах.

Мы брели уже довольно долго, но залы мало чем отличались друг от друга, и вскоре мне начало казаться, что мы ходим по кругу.

Наконец коридор расширился, и мы вступили в просторный зал. Полумрак рассеивали лучи света, проникавшие сквозь оконные проёмы под куполом; они падали вниз золотыми столбами, в которых кружилась пыль.

В центре зала, на каменном постаменте, восседала золотая статуя с птичьей головой. Фигура в молитвенной позе была увешана цепями и шёлком, а сотни свечей мерцали вокруг, отражаясь в полированном золоте.

Перед алтарём, всего в нескольких шагах, неподвижно сидел человек, повёрнутый к нам спиной. Я заметила его ещё на входе; он казался ещё одной статуей, застывшей в тени колонн. Тёмные вьющиеся волосы почти касались широких плеч, с которых свисала бордовая накидка, расшитая золотом.

Должно быть, это он. Принц.

Нанэ подвёл меня к алтарю, и я опустилась на пол бок о бок с женихом, перенимая его позу. Сидя лицом к статуе, я была захвачена мыслями о человеке рядом. Мне казалось, стоит

лишь прикрыть глаза, и я уловлю его запах, услышу его мерное дыхание. Было волнительно даже предположить, что он мог слышать, как беспокойно колотится моё сердце.

Я украдкой скосила глаза в его сторону, пытаюсь разглядеть лицо. Однако я увидела лишь линию скулы и тень от длинных ресниц. Этого было слишком мало, и я чуть подалась вперёд, наклоняя голову. В то же мгновение наши взгляды встретились.

Зелёные глаза, яркие, в обрамлении тёмных ресниц, смотрели на меня в упор. Густые брови, почти чёрные, были чуть сведены, делая взгляд ещё выразительнее, а в ушах покачивались крупные золотые серьги, и это сочетание золота и смуглой кожи казалось почти совершенным.

Я чувствовала, как горят щёки, и с ужасом осознавала, что совсем не дышу.

Он был настолько красив, что я не могла оторвать от него взгляд. Мне было стыдно признать, что я хочу прикоснуться к нему; убедиться, что передо мной реальный человек, а не плод моего воображения. И в этом желании я не узнавала себя.

Но стоило мне об этом подумать, как ладонь Нанэ легла на мою макушку и резко повернула мою голову обратно к статуе.

Я склотнула, пытаюсь унять волнение, что зарождалось где-то внизу живота.

Жрец оставил нас и направился к алтарю, перед которым опустился на колени. Он зажёл деревянную палочку от свечи и поднёс её к сухим травам в дымнице. Вскоре из неё потянулись тонкие струи дыма, которые медленно расползались по воздуху, окутывая старца словно прозрачная шаль.

Сложив руки, он начал читать молитву на языке, который я прежде не слышала. Время тянулось так долго, что спина затекала, воздух становился гуще, и каждый вдох давался с трудом. Вскоре я перестала различать слова вовсе; они превратились в глухой гул, от которого веки налились тяжестью, а в висках отдавалась тупая пульсирующая боль. Сколько это длилось, я не знаю. Я очнулась только когда звуки стихли, и тишина позволила мне снова мыслить ясно.

— Эти браслеты обозначают вашу *связь*, — вновь раздался голос старца, нарушая тишину.

Едва придя в себя, я заметила на своём запястье красную нить. Я повернула голову и увидела, как Нанэ завязывает точно такую же на руке моего жениха.

Парень безразлично разглядывал новое украшение на своей руке. Он не выглядел расстроенным или взволнованным предстоящей помолвкой. Его блуждающий взгляд скорее источал усталость от всего происходящего, чем заинтересованность.

Я ещё раз взглянула на браслет из красных нитей с вплетёнными в них золотыми бусинами. Если поднести его ближе, на нём можно было различить цифры:

«21.11.»

— Дата вашей свадьбы была рассчитана заранее, — пояснил жрец, тяжело подымаясь на ноги. — Она есть на каждом из браслетов.

Теперь вместо волнения я ощущала лишь замешательство. Мне хотелось покончить с этим как можно скорее, но вместо этого придётся ждать целых четыре месяца, прежде чем мы станем мужем и женой. С другой стороны, возможно, это и к лучшему: у меня будет время узнать его получше. Эта мысль зародила во мне слабую надежду, что мы могли бы подружиться, и тогда пребывание здесь станет не таким мучительным.

Я улыбнулась этим мыслям, и в тот же миг что-то тёмное промелькнуло перед глазами. Раздался глухой звук, и от того, что я увидела, мои глаза расширились от ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.